

ХРОНИКА

О РАБОТЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГРУППЫ

В апреле 1988 г. состоялось два заседания Ленинградской византийской группы на экспозиции Византийского искусства в Гос. Эрмитаже и на выставке Русской иконы в Гос. Русском музее. Обсуждались проблемы методики и методологии изучения художественной, эстетической структуры памятников византийской и русской живописи. Рассматривались иконы XI—XIV вв. Основным докладчиком был заведующий мастерской реставрации древнерусской живописи С. И. Голубев (Русский музей).

Названная проблема рассматривалась с точки зрения роли, которую играет техника исполнения в художественной структуре иконы. Тема этих заседаний возникла как результат, заключительный этап многолетней работы по исследованию техники живописи икон, проводимой под руководством С. И. Голубева сотрудниками Эрмитажа. А эта работа, в свою очередь, была естественным продолжением изучения техники живописи русских икон, проводимой С. И. Голубевым в течение пятнадцати лет его реставрационной деятельности. Свои выводы об этом этапе работы С. И. Голубев изложил в статье «Некоторые проблемы изучения техники древнерусской живописи. Иконопись второй половины XIII и середины XIV вв.». К сожалению, статья, пролежав в издательствах десять лет, так и не появилась в печати. Работа, сделанная над памятниками византийской живописи из коллекции Гос. Эрмитажа, чрезвычайно расширила, углубила выводы, сделанные С. И. Голубевым на предыдущем этапе. Сейчас очевидна необходимость такого характера исследования иконы не только для реставрационных работ, но и в искусствоведческом изучении памятника.

Наши знания о технике живописи византийского иконописца чрезвычайно ограничены за отсутствием, по существу, свидетельств по этому вопросу самих византийцев. Известные нам Эрмении — чрезвычайно позднего происхождения (XVI—XVIII вв.). «Записка о разных искусствах» пресвитера Феофила, наиболее ранняя из них — XII в., есть свод канонических правил, определяющих строго все этапы и приемы письма, точную рецептуру применявшихся красок, диктующих художнику порядок работы. Таким образом, эти руководства фиксируют лишь часть живописного процесса, его ремесленную сторону, т. е. ту его часть,

которая в определенных пределах может быть канонизирована.

Хорошо известно, что византийцы видели в иконе-образе свидетельство, выражение идеи «соборности», отражения общинного «духовного опыта». И в равной степени согласно законам византийской эстетики образа, икона — это результат личного духовного восхождения иконописца. То есть образ — это всегда некое сложное, тонко организованное единство, в котором художественная, эстетическая его структура есть результат взаимодействия, определенного соотношения духовной личности художника и традиции. Именно это и позволяет нам говорить о разных «стилистических» признаках памятника. Пространственные, цветовые, графические характеристики произведений средневековой живописи давно стали «активом» искусствоведческого анализа, так же как и анализ иконографии памятника. Но совсем скромное место в искусствоведческом арсенале, на наш взгляд, до сих пор занимает изучение техники живописи личного (прежде всего) письма иконы. Совершенно не изучены были с этой стороны и византийские иконы эрмитажного собрания.

Как показывают предварительные результаты нашей работы, вероятно, именно в характере живописи реализуется то, что мы назвали «личным духовным опытом». Отсюда такое разнообразие в технике живописи исследованных нами икон. Практически можно говорить о бесконечном количестве вариаций на тему трех основных приемов построения формы — санкирного, безсанкирного и комбинированного (по терминологии С. И. Голубева). Это первый, основной момент, который мы можем констатировать. Но дело в том, что характер техники личного письма, по нашим наблюдениям, находитесь в столь тонких (устанавливаемых лишь при очень глубинном изучении) и сложных отношениях с иконографией образа, что отделяя в изучении их друг от друга, или учитывая лишь один из них, мы неизбежно оказываемся в плену ложных посылок. Всю полноту информации о конкретном памятнике, как свидетельстве времени, определенного этапа в истории средневекового искусства, мы получаем в результате установления названных выше соотношений внутри образа, внутри его художественной структуры. Это убедительно показал С. И. Голубев в процессе обсуждения на анализе

конкретных памятников. Проблемы датировки, определение места происхождения вещи, эстетическая, художественная значимость памятника в результате предла-

гаемого подхода к изучению, получает возможность убедительной аргументации выводов.

С. Г. Савина

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА.
К СТОЛЕТИЮ РЕГУЛЯРНЫХ РАСКОПОК, 1888—1988 гг.»
СЕВАСТОПОЛЬ, 28—30 СЕНТЯБРЯ 1988 г.

Херсонесский историко-археологический заповедник отметил научной конференцией столетие регулярных раскопок на городище. В ней участвовали историки-антиковеды и медиэвисты из различных городов: Москвы, Ленинграда, Симферополя, Саратова, Свердловска, Керчи.

На пленарном заседании среди докладов, посвященных истории античного Херсонеса, центральное место занял доклад И. А. Антоновой «К. К. Косцюшко-Валюжинич: К вопросу о методике раскопок и паспортизации находок», в котором были освещены основные вехи научной биографии исследователя. На основании анализа архивных материалов докладчица показала, что заслугу К. К. Косцюшко-Валюжинича является создание в Херсонесе музея и разработка послышной методики. Впервые для Херсонесского городища он выделил четыре строительных периода, которые постоянно фиксировали в отчетах и на чертежах. В первые годы раскопок в «Книгу учета древностей» заносились сведения о всех находках и отдельно составлялась опись отправленного в Археологическую комиссию. В последующем К. К. Косцюшко-Валюжинич сосредотачивал однотипные находки на планшетах, проставляя порядковые номера в соответствии со списком. К сожалению, описей планшетов не сохранилось. Возможно, предположила И. А. Антонова, они, как и заметки по истории Херсонеса, над которой работал первый заведующий городищем, остались после его смерти в личном архиве, хранившемся до 1927 г. в семье Косович — его дочери. В настоящее время местонахождение архива не известно, а на основании документов из фонда Археологической Комиссии и архивных материалов Херсонесского заповедника не представляется возможным восстановить систему размещения находок на планшетах, но изучение этих документов, подчеркнула докладчица, показывает, что обвинение К. К. Косцюшко-Валюжинича в депаспортизации не соответствует действительности.

На конференции работало две секции, «Исследование античного Херсонеса и его хоры» и «Проблемы изучения средневекового Херсона». На последней было заслушано 15 докладов. Все доклады вызвали оживленную дискуссию, так как в них предлагалась новая интерпретация и датировка комплексов Херсонеса, освещались итоги раскопок последних лет.

Доклад С. Г. Рыжова (Севастополь) был посвящен раскопкам пяти кварталов северного района Херсонеса. Докладчик отметил, что площадь усадеб, располо-

женных на участках, примыкавших к центральной площади, отличалась большими размерами (от 300 до 500 кв. м), владельцами их, вероятнее всего, являлись зажиточные горожане. Коллекция находок не позволяет составить представление о профессиональных занятиях, за исключением двух случаев: в одном доме проживала семья рыбака, в другом — пекаря. В слое разрушения в кладовой, расположенной рядом с домом рыбака, обнаружена большая коллекция глазурированных сосудов, среди которых выделяются блюда с сюжетными рисунками, выполненными тонкой гравированной линией, с марганцевой подцветкой. Сосуды данной серии, по мнению докладчика, происходят из малоазийских керамических центров. В каждом из раскопанных кварталов находилась часовня, в квартале X «А» — две. В костнице одной из них лежали обгоревшие костяки, вероятно, останки погибших во время пожара, уничтожившего постройки в кварталах. Исследователь сделал предположение, что пожар распространялся с востока (от Уваровской базилики), поэтому в домах восточной части раскопанных кварталов обнаружен наиболее богатый инвентарь, из домов, расположенных далее к западу, жители успели спасти часть своего имущества. Набор керамики и монеты, относящиеся к XIII в., позволили С. Г. Рыжову предположить, что пожар произошел во время одного из военных набегов на Херсонес во второй половине XIII в. Позднее территория кварталов не застраивалась, более поздних находок в кварталах VIII, IX, X, XII во время раскопок не обнаружено.

Более поздним временем датирован пожар, уничтоживший постройки последнего периода строительства, А. В. Сазанов (Москва) в докладе «Седьмой квартал Херсонеса: хронология позднеантичных и средневековых слоев». Докладчик отметил, что жизнь на территории квартала не замирала на протяжении всего средневековья. Наиболее показательный материал происходит из слоя пожара, который на основании аналогий находкам из хорошо датированных комплексов Мирмекия, Азака и других причерноморских центров, следует отнести к XIV в.

Поздневизантийскому периоду были посвящены два доклада по нумизматике: А. М. Гилевич (Ленинград) «Комплекс монет XIII в. из северного района Херсонеса» и Н. А. Алексеев (Севастополь) «Клад монет из Херсонесской цитадели».

А. М. Гилевич остановилась на анализе монет, выпущенных в XIII в. в Никее и Латинской империи. Они были обнару-